

Прыгай. Беги. Замирай.

«Если немой напишет своё имя на колоколе, он обретёт голос»

- старинное европейское поверье

Step 0

Silence. Тишина.

Дар слова. Им он не обладал никогда. Как бы сильно ни хотел. Как бы яростно не рыдал. Как бы неистово не бил стену кулаками. Сколько бы ни всматривался в свое отражение изнеможёнными от бессонных ночей тёмно-синими глазами. К кому бы ни обращался за помощью. Что бы ни делал. Куда бы ни шёл.

Тщетно. Он был лишён его.

Stress. Акцент.

Change of level. Смена уровня.

Next level. Следующий уровень.

Step 1

The Call. Зов.

«As much as the cypher is situated in a physical space, it is also situated in an acoustical space. When asked about their early hip-hop memories, older b-boys almost always single out the echo of distant breakbeats as an important component of the overall experience».¹

- Joseph G. Schloss

“Foundation. B-boys, B-girls and Hip-Hop Culture in New-York”

Вокруг него толпится множество людей, среди которых он чувствует себя, словно в западне. Они приближаются и зажимают его в тиски. Несколько мучительно-долгих секунд он не может пошевелиться. Это приводит его в ужас. Отнятая свобода движения - отсутствие спасительного глотка воздуха - и невозможность обратиться к ним. Да и зачем?

Может, для того, чтобы посоветоваться с ними, помочь, или же наоборот - получить помощь. Просто поговорить. Рассмешить. Вдохновить. Найти друга, найти семью, найти любовь. Найти себя. Потерять себя. Вернуть себя.

Beat. Пауза.

Это невозможно.

Остается только дать металлическому зёву чудовища проглотить его. Вернее, то, что от него осталось, а затем скрыться, развоплотиться в его чудовищных недрах, стать никем и ничем, биомусором, нелепой маской, размалёванной куклой, пустым мешком из кожи и костей.

С другой же стороны, это всё неважно, ведь что он сейчас и так? Никто и ничто, разрушенная, выгоревшая, никому не нужная оболочка, насмешка, немой манекен с маркировкой «Дмитрий Волчков».

Молодой человек прикладывает к сканеру магнитную карту. На мини экране турникета высвечиваются зеленые цифры оставшихся поездок. Он немного толкается в проходе, а затем встаёт на эскалатор, удостоверившись, что его блестящие, черные, идеально чистые, словно только что из магазина, кроссовки с белой прослойкой подошвы и белым логотипом-галочкой стоят на одной движущейся ступени металлической ленты.

¹ «Так же сильно, как и в физическом мире сайфер (круг) находится и в мире звуков. Когда опытных би-боев спрашивают об их первых воспоминаниях, связанных с хип-хопом, они почти всегда выделяют далёкое эхо ломанного ритма в качестве одного из самых важных элементов всего пути». - прим. и пер. автора

Слева и справа от него сразу же возникает бесконечный биоконвейер. Мужчины и женщины. Дети и взрослые. Бабушки и дедушки. Русские и нерусские. Красивые и умные. Деловые и легкомысленные. С овальным лицом и с лицом круглым. Блондины и блондинки, брюнеты и брюнетки, рыжие. С вьющимися волосами, с прямыми волосами, без волос. В чёрных куртках, в белых куртках, в зелёных куртках. С зонтами в руках, с зонтами в ногах, с зонтами в сумках. С улыбкой, с бутылкой, с посылкой. Задумчивые, весёлые, пьяные. Всякие.

От девушки в нескольких метрах от него приятно пахнет духами последней осенней коллекции. Ловко придерживая сумочку на сгибе локтя, она печатает своей подруге «уже поднимаюсь» и при этом слегка улыбается. Через несколько ступенек от неё задумчивый человек в кожаном пальто и широкополой шляпе читает «Постороннего» Камю. Слева от него по эскалатору медленно спускается рослый флегматичный мужчина средних лет, заставляя сбавить ход молодого армянина, которому остаётся только с раздражённой улыбкой ждать, когда мечтатель наконец соизволит ускориться. Обычная сентябрьская пятница, обычная станция метро. Необычный город, Санкт-Петербург.

Дима внимательно всматривается в бесконечный калейдоскоп лиц, по привычке пытаюсь найти в нём одно особенное лицо, знакомое лицо. Её лицо. Её лицо и её тёмно-каштановые глаза с маленькой звёздочкой-искоркой, сокрытой в глубине. Шёлковый водопад её волос, её улыбку, руки, её, её, её... стоп. Её лица здесь нет и быть не может.

Transition. Переход.

Дима переводит взгляд на спину человека, стоящего перед ним на эскалаторе - спину попутчика, а вернее, на белый рюкзак с затейливым рисунком. Около минуты он внимательно вглядывается в этот рисунок.

Несколько десятков разноцветных прямоугольных фигур на светлом фоне... в них смутно угадывается что-то знакомое...

Freeze! Замри!

Фруктовое мороженое в холодильнике со льдом, лето 1995-ого года, пляж. Морские волны лениво треплют песчаный берег. Смех, жара, солнце. Ему три года, и, кажется, он счастлив.

- Димочка, хочешь фруктового мороженого на палочке?

- Хотю.

Высокая красивая женщина средних лет в изящной соломенной панамке и синем платье улыбается маленькому, тёмненькому и остроглазому мальчику. Она вынимает из небольшой коричневой сумки кошелёк, отсчитывает несколько купюр и протягивает их продавцу. Продавец что-то шутит, мама улыбается, но Дима замечает, что её улыбка другая, что она совсем не похожа на ту, которой она улыбалась ему секунду назад. Эта - для чужих. Она доброжелательная, но слабая, и чуть-чуть беззащитная.

Мама протягивает ему замороженный фруктовый лёд на палочке. Дима начинает с энтузиазмом его глодать и сразу же больно ударяется об твёрдое лакомство крохотными зубками. Мама сочувственно смеётся.

- Подожди чуть-чуть, пока оно подтаает.

Но он не может ждать и жадно вгрызается в мороженое, неуклюже проведя им по щекам и носу.

- Ты замазался, сынок. - мама ловким движением фокусника материализует в руках салфетку и, наклонившись к нему, убирает с носа и щёк вишнёвые следы детской радости.

- Вкусно?

- Ага!

- А у меня для тебя подарок. - из сумочки появляется небольшой предмет -тёмно-синий волчок. Мама кладёт его на асфальт и раскручивает. Дима около минуты заворожено следит за его непрерывным движением.

- Нравится? - сияющие от счастья глаза служат ей ответом. - С Днём Рождения, сынок!

А с моря дует свежий ветер, мамины волосы развеваются в лучах яркого солнца, и одна из прядей поднимается и легонько щекочет мальчика за нос, играясь, словно небольшая и весёлая собачонка. И Дима смеётся беспечным детским смехом, его глаза цвета черники сияют от удовольствия, во рту ещё приятно немеет нёбо, а в руке зажато бесценное сокровище, на которое бы он не променял всё богатство мира - мороженое.

У его ног вращается волчок, а вокруг - целая Вселенная.

Около входа на пляж их ждёт папа. Он немного раздражён, ведь они опаздывают, а на сегодня запланирована куча дел: их ждёт экскурсия по катакомбам, на которой будет жуть как скучно, но и, наверняка, интересно, затем они хотели перекусить где-нибудь в укромном месте...но это будет уже потом...то есть...это...было потом. Было...

Stop! Стоп!

Acceleration. Ускорение темпа.

Дима смотрит на цепочку людей, едущих с ним на соседнем эскалаторе вниз, в чрево доисторического чудовища. Напротив, через один эскалатор слева, неопрятная женщина лет сорока пытается наскоро перевязать свой шарф.

И снова этот банальный узор. Снова этот клетчатый рисунок. Снова эти цвета: белый, светло-коричневый, чёрный. Три тонких красных полосы сбоку.

Он видел этот шаблон миллион раз. Он видел его в виде шарфа, в виде пледа, в виде рубашки, в виде пальто. Он видел его на термосе, на покрывале, на платке. Как-то раз он даже видел кресла и диваны, обтянутые этим обезображивающим шаблоном. Этот узор преследовал его.

Freeze! Замри!

Он идет в школу. Осенние листья падают, падают, падают на асфальт. Ветер подбирает их и несёт к последнему ночлегу. Слабый дождь лениво

постукивает по асфальту. Легкая дымка обволакивает опавшую крону, стелется меж изогнутых силуэтов нагих клёнов и осин, оседает на запотевших окнах трамвая. Капли дождя мелкого, но непрерывного, катятся вниз, оставляя на прозрачной поверхности окон мокрые следы. Он, словно в полусне, чертит на мутном стекле своё имя.

Acceleration. Ускорение темпа.

Школьная скамья. Шестой класс. Он, как обычно, забился в дальний уголок и читает задание по русскому языку. Сегодня они будут писать контрольную по падежам, затем будет урок литературы, где ему нужно будет читать наизусть начало Евгения Онегина. Но ведь он не может говорить.

Stress. Акцент.

Tardation. Замедление.

Нет, он выучил свой урок. Вчера, придя домой после школы, он открыл роман и удерживал в своей памяти поэтические строки. Он наслаждался и восхищался ими, он будто слышал голос гения в своей голове, он прожил каждую главу, каждую строфу, каждое слово.

К сожалению, понимал он далеко не всё. Некоторые выражения были ему незнакомы, значение же других каким-то таинственным образом ускользало от него. Тем не менее, он затвердил первые тридцать строчек главы первой. И, всё бы хорошо, но кроме того, чтобы их запомнить, их надо было произнести. Желательно, с чувством. И вот здесь у Димы Волчкова, ученика 6-го «Д» класса городской школы №17, появилась серьёзная проблема.

- Волчков, к доске!

Он выходит и поворачивается к классу. На дальних партах кто-то хихикает, кто-то положил голову на вытянутую руку и спит, прикрывшись учебником, кто-то пишет, кто-то рисует, кто-то разговаривает, кто-то молчит. С десяток пар глаз смотрят на него. Среди них есть и её глаза: две прекрасные и таинственные изумрудные вселенные.

Он сосредотачивается и наскоро проговаривает начало поэмы у себя в голове. Его сознание лёгким, естественным движением подхватывает волну поэзии и вот, одна за другой, эти волны несутся к берегу. Он набирает воздух в лёгкие, готовится произнести волшебные слова, но...лишь издает какие-то нечленораздельные булькающие звуки.

Весь класс покатывается со смеху. Все, кто ранее занимались своими делами или спали, теперь показывают на него пальцем и улыбаются. Учительница не спешит прекратить воцарившийся в классе балаган.

- Ха-ха-ха, ну и бульканье!

- Он прямо как суп на плите - бль-бль-бль!

Дима краснеет и хочет провалиться сквозь землю.

Наконец, учительница вмешивается:

- Так, класс, ротки закрыли. Волчков, попробуй-ка ещё раз.

- Н-н-н-н-о, Ир-ра-айд-д-ааа-Алекс-а-а-н-д

- Нё Иляида Александрёвна...- пародирует его голос белобрысый мальчик за третьей партой. Все снова смеются. Даже она - обладательница прекрасных тёмно-зелёных глаз и его сердца - Лена Смольникова, умница, отличница, красивая девочка с длинными вьющимися волосами.

Она смеётся, а он не может оторвать взгляд от пола. Да что с ним не так?!

В глазах Димы Волчкова, ученика 6-го «Д» класса, очень худого и молчаливого подростка, почти исчезающего в мешковатом синем свитере с белыми оленями, мальчика со странными, взвихряющимися вверх и чуть вправо волосами, блестят слёзы. Он прикрывает лицо рукой и выбегает в коридор, оставив дверь класса открытой нараспашку.

Учительница, улыбаясь, медленно и с расстановкой произносит:

- Вот видите, ребята, какой тяжёлый труд - поэзия.

Это фраза вызывает новый приступ хохота.

Но Дима её уже не слышит.

Stress. Акцент.

Acceleration. Ускорение темпа.

Это было спустя несколько месяцев после того случая.

Красное солнце раскаленными когтями продиралось сквозь горизонт. Утро выдалось холодным, свежим и ясным. Им - ученикам всей параллели шестого класса - нужно было пробежать километр. Мальчики, одетые в одинаковые синие с полосками спортивные штаны и белые майки, выстроились на заднем дворе школы. Их преподаватель по физкультуре - сорокалетний плечистый мужик с хриплым голосом и глазами навывкате - дунул в свисток, и они побежали.

Дима бежит.

Stress. Акцент.

В голове тысяча мыслей, мешающих расслабиться, напрягающие все мышцы в его маленьком теле, взвинчивающие нервы до предела. Все они исчезают, как если бы в резервуаре с гнилой водой кто-то проделал небольшое отверстие, и вся она вытекла наружу, освобождая пространство внутри.

Вскоре остаются только звуки ударов кроссовок об асфальт, размеренное дыхание, редкие порывы ветра и бешенный стук сердца.

Вдох-выдох. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Это же так легко.

Harmony. Гармония.

В тот раз ему не удалось прийти первым. Тем не менее, он попал в первую десятку среди более сотни учеников из своей параллели. Игорь Олегович заметил его и пригласил участвовать в школьных соревнованиях.

Transition. Переход.

В седьмом классе он всё-таки решил подойти к Лене.

В тот день он тщательно подготовился - постирал и погладил все вещи, сделал зарядку и даже позаимствовал из письменного стола отца чёрный флакон с духами. Для того, чтобы найти заветный пузырьёк, пришлось изрядно

постараться - слишком много места в ящиках занимали пустые бутылки от дешёвого коньяка из магазина в пяти минутах ходьбы от дома.

Уже надушенный и чистый, стоя перед зеркалом в ванной, Дима попытался привести свои волосы в порядок. Напрасная трата времени - после получасовых мучений они всё также завихрялись вверх и чуть вправо, лишь только стали чуть более гладкими. Наведение марафета принесло ему немало неудобств. Но, по его мнению, это того стоило.

И вот он стоит перед главной красавицей класса и хочет пригласить её в кино.

- Ле-е-ен, привет. – зеленоглазая красавица с накрашенными ресницами смотрит на него совсем не так, как он представлял в своих мечтах. Вместо симпатии и интереса в её глазах обидное пренебрежение и скука.

- Волчков? Чего тебе?

- Ты-ы-ы...нн-ее

Её глаза вдруг округляются, а навязчивый образ Диминых сновидений - мягкие губы - искривляются в усмешке. Он тоже улыбается, думая, что причиной тому стало его забавное произношение, но затем замечает, что девочка смотрит вовсе куда-то ему за спину. Дима прослеживает направление её взгляда, оборачивается и видит перед собой того самого белобрысого мальчика, третья парта, ряд у окна. Пока они говорили, он встал сзади и начал кривляться, пародируя движения тела и лица Димы, и на его физиономии расплылась самодовольная улыбка.

Kick. Удар.

Дима бросается на мальчика. Раздаётся девчачий визг. Два подростка кувыркаются по школьному коридору. Разозленному Диме достаётся удар локтём в живот, но он не остаётся в долгу и бьёт своего обидчика кулаком в челюсть. Противники сжимают друг друга в яростных объятьях до тех пор, пока над ними не возникает Ираида Александровна со своим извечным шарфом.

- Что тут происходит? - спрашивает она дрожащим от негодования и исполненным типично преподавательским чувством превосходства голосом.

- Ираида Александровна, мы разговаривали с Олегом, когда этот урод набросился на него!

- Лена! - учительница осекает Лену, а затем переводит взгляд на Диму.

- Так и было! Он просто набросился на меня! - жалуется белобрысый, потирая покрасневшую шею.

Дима хочет что-то сказать в своё оправдание, но замирает на полуслове.

Звучит школьный звонок. Недавно образовавшаяся толпа учеников начинает редеть.

- Вы двое, - говорит учительница, - марш на урок! А ты, - презрительный взгляд в сторону Димы, - живо со мной в кабинет Надежды Михайловны.

Дима молча переводит взгляд с издевательской улыбки Лены Смольниковой, красавицы, отличницы, хозяйки его сердца, на холодное лицо сорокалетней

женщины, её шарф, обратно на спину Лены, исчезающей в дверях класса, и после на скользкий паркет школьного коридора.

Beat. Пауза.

Acceleration. Ускорение темпа.

Вскоре он начал прогуливать школу. В начале ему часто звонили домой, вызывали к завучу, угрожали исключением, но после того, как его отец, очухавшись от трёхдневного запоя, пришёл в школу и высказал всё, что он думает о системе образования в стране, больше никто не мешал старенькому бежевому телефону семейства Волчковых мирно дремать на столе в прихожей.

В восьмом классе у Димы было тридцать процентов прогула. В девятом классе эта цифра увеличилась вдвое. В десятый класс он так и не пошёл.

Transition. Переход.

Tardation. Замедление.

Дима Волчков жил в старом многоэтажном доме. Его бледно-жёлтый фасад выходил в переулок, а тыл, сросшись с другими безликими бледными зданиями с одинаковыми балконами, образовывал с десятков дворов и двориков, соединенных тёмными сквозными подъездами и побочными парками с редкими скамейками. Некоторые из этих полугерметичных пространств были обхожены местным отребьем - нищими, просившими милостыню около церквушки неподалёку, детьми из неблагополучных семей, алкоголиками различной степени опухлости лица и наркоманами. Здесь Дима совершенно случайно нашёл своих первых друзей.

Однажды, когда он, в очередной раз прогуливая школу, в одиночестве блуждал по району, в одном из двориков к нему подошёл подросток на пару лет его старше и спросил:

- Ей пацан, мелочугой не выручишь?

Пацан покопался в карманах и сунул парню в руку десять рублей, от чего тот сразу же заулыбался.

- Спасибо, братишка. - Дима уже собирался уходить, с трудом сопротивляясь приступу гордости от того, что он за такой краткий срок прошёл путь от «пацана» до «братишки», но тут его собеседник внезапно добавил:

- Слышь, а я тебя знаю, ты из двенадцатого? - Дима кивнул.

- Кипиша знаешь? - Дима покачал головой.

- Ты чё, язык проглотил?

- Не-е-ет. Не з-знаю.

- Аа. Ну ладно. Спасибо за монету, даром не пропадёт. Слушай, раз ты местный, приходи на пяточок к нам в шесть, мы с пацанами будем тусоваться. Там будет и Кипиш.

Дима кивнул.

- А я - Белый. Ну, бывай.

Вот так вот и получилось, что в тот день Дима от скуки пришёл к «пяточку» - двороподобному пространству со скамейками, где собирались проблемные подростки со всего района. Это было идеальное место для жителей худой стороны улицы - голые стены домов, испещрённые граффити и тэгами, обеспечивали отличную звукопроницаемость, скамейки и несколько чахлах обрезанных тополей обеспечивали уют, а три сквозных прохода - надёжность. Здесь Дима познакомился со множеством неординарных личностей.

Белый стал его личным гидом в новом захватывающем мире подросткового отчуждения, безразличия и глупости. Это дитя грязных переулков и грязных дворов, будучи старше Димы всего лишь на три года, выглядел так, словно ему недавно стукнуло тридцать. На его опухшем черепе с редкими белёсыми пятнами вместо волос виднелись несколько странных отметин. У него были чёрные ногти на руках, самодовольная ухмылка, а на левой щеке - рваный шрам. Говорил он громким хриплым голосом и постоянно похабничал. Когда они встретились, новый друг Димы, держа в одной руке бутылку с какой-то жидкостью неясного цвета, а в другой - сигарету, рассказывал, как он потерял девственность с проституткой в двенадцать лет.

Его дружки тоже были ребята не промах. Некоторые курили марихуану прямо на скамейке. Другие временами отлучались в подъезды, а когда возвращались, то на их губах играла безумная улыбка, речь ускорялась, а зрачки были подобны двум тёмным и пустым колодцам. Встречались среди них и девушки, причём некоторых из них можно было даже не кривя душой назвать симпатичными. В целом развесёлая компания состояла из двух типов подростков: тех, кто родился в неблагополучных семьях со всеми вытекающими последствиями, и тех, кто просто переживал переходный возраст и естественное желание бунтовать против всего на свете. Большинство обитавших в этом закутке было далеко до совершеннолетия, но развлекались они совершенно без тормозов.

Дима испытывал неподдельное отвращение к алкоголю. Наблюдая за тем, как его отец каждый день опорожняет бутылку за бутылкой, его красное злое лицо, пустой взгляд и бессильную ярость, он поклялся себе, что ни за что на свете не станет таким же. Но, что касается других вредных привычек, тут у него предубеждений не было. Скоро сигарета стала естественным продолжением его руки. Скуривая маленькие оранжево-белые палочки одну за другой, вместо характера, Дима воспитал в себе психологическую зависимость.

Он всё чаще ходил «потусоваться» на пяточок и всё реже достаивал своим присутствием школу.

В школе его никто не понимал. Единственным местом, где он чувствовал себя комфортно и не замыкался в себе, стал физкультурный зал, а единственной отдушиной - бег. Но, когда редкие моменты спасительной пустоты, что приносил бег, заканчивались, он начинал тонуть в соткавшейся вокруг него, всепоглощающей Зоне Отчуждения. Друзей в школе он завести не сумел. Даже

его соседка по парте за несколько лет едва ли сказала ему несколько слов. Из-за особенностей своей речи и замкнутости он был обречён стать изгоем.

С проблемными ребятами из «пяточка» ему было куда легче найти общий язык. Они сами были изгоями, а поэтому сразу угадали в Диме родственную душу, хотя он ни с кем особенно и не откровенничал. Даже если бы захотел, не смог. По большей части он хранил молчание, весело скалился над очередной скабрёзной шуткой Белого, целовался с пьяными девицами из двора и курил сигарету за сигаретой, всматриваясь в беспросветное небо, на котором едва ли можно было разглядеть далёкие звёзды.

Stop! Стоп!

Acceleration. Ускорение темпа.

Эскалатор уносит цепочку людей всё ниже и ниже. Эта станция считалась одной из самых глубоких в мире, и до конца пути осталось ещё немало. Дима откидывает со лба упавшую прядь волос, невольно поморщившись от нахлынувших на него воспоминаний. Всё то время, что представало перед ним сейчас калейдоскопом вроде бы случайных сцен, кажется ему безумием. Безумием того же рода, что в тот или иной момент отражалось в глазах каждого человека, которого он встречал.

Резкий выкрик слева - какой-то пьяный спор между плечистым таджиком и небритым мужиком в спортивных штанах.

- И чего будет??? - орёт подвыпивший мужик на сникшего гастарбайтера.

Freeze! Замри!

- И где ты был??? - орёт на Диму неменяемый отец, когда тот вваливается в прихожую еле-еле стоя на ногах.

В тот день они с ребятами со двора сидели у одного товарища на квартире. Там он впервые попробовал «тяжелые» наркотики. Этого уже давно следовало ожидать - все ребята постарше, Белый, Кипиш и другие, все употребляли их почти каждый день.

Вдохнув в свои ноздри белый порошок под смешки товарищей, Дима в начале не почувствовал ничего, но затем *это* началось. Сперва он ощутил небывалую ранее лёгкость и уверенность в себе. Казалось, что весь мир, словно наливное яблочко с дерева, вдруг подкатился к его ногам, ожидая, когда у парня наконец хватит решимости подобрать его с земли. Все стало так просто, понятно. Все планы казались легко осуществимыми, а дорога жизни ясно расстилалась впереди. Оставалось только сделать первый шаг...но тут вдруг закрутился-завертелся полумрачный лабиринт набережных, оранжевых огней и тёмных переулков, непрекращающийся разговор обо всём и ни о чём сразу, обрывки фраз, откровения...все они тогда говорили правду, все были остроумны и точны в выражениях...мириады образов, новых идей и мимолётных впечатлений кружились в зловещей пляске, а они всё шли и шли и шли зачем-то почему-то куда-то дальше.